

ЛАКАН В ЯПОНИИ

Лакановские
тетради

Лакановские тетради

Сборник
Лакан в Японии

«Алетейя»

2017

УДК 159.964.2
ББК 88.6

Сборник

Лакан в Японии / Сборник — «Алетейя», 2017 — (Лакановские тетради)

ISBN 978-5-91419-539-4

Эта книга о психоанализе, его возможности и невозможности в культуре, радикально отличающейся от Западной. Отличия эти в первую очередь выражены в особенностях языка, выстроенного по иным законам. Особенности японского языка по-другому структурируют бессознательное и собирают субъект. Различные тексты, помещенные в эту книгу, с разных сторон подходят к проблематике символической системы, скроенной из странных для Западной культуры черт. Эта книга о бессознательном, иероглифической письменности и психоанализе. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.964.2
ББК 88.6

ISBN 978-5-91419-539-4

© Сборник, 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Дани Нобус	6
Библиография	9
Приложение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лакан в Японии

Под редакцией Виктора Мазина и Айтен Юран

© Музей сновидений Фрейда, 2012

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

© «Алетейя. Историческая книга», 2012

Дани Нобус Лакан в Японии – 2¹

21 апреля 1971 года Жак Лакан выступил с лекцией в Токийском университете по приглашению профессора Такацугу Сасаки, который готовил перевод на японский язык «Писаний». Лекция была организована издательством «Кобундо Пресс», которое приняло решение опубликовать перевод Сасаки. Выступление Лакана на французском языке было записано на магнитофон и затем расшифровано Филиппом Понсом, в то время работавшем дальневосточным корреспондентом французской газеты «Лё Монд». Расшифровка Понса хранилась в издательстве «Кобундо», и затем была переведена на японский язык профессором Сасаки, который включил этот текст вместе с переводом «Радиофонии» Такухико Итимура в книгу, опубликованную «Кобундо» в 1985 году.

Непонятно, выступал ли Лакан по заранее написанному тексту или приблизительному плану, но стиль «Токийской речи» и отсутствие каких-либо записей самого Лакана, имеющих непосредственное отношение к этому выступлению, указывают на то, что лекция была импровизацией, основанной, вполне возможно, на каких-то предложениях Сасаки и его переводческой команды. По содержанию лекции можно прийти к выводу, что в аудитории не было психоаналитиков, ни японских, ни каких-либо других, и что публика была либо вообще не знакома, либо едва знакома со спецификой трудов Лакана и историей психоанализа во Франции. Непонятно также, переводилась ли лекция на японский язык синхронно. Никаких указаний на чередование французского и японского языков, равно как и вообще на присутствие японского переводчика, в транскрипции Понса нет. Поскольку лекция была приурочена к выходу в свет японского перевода «Писаний», и поскольку в зале находился Сасаки со своей переводческой командой, то, вполне возможно, что аудитория в целом достаточно хорошо понимала по-французски, и в переводчике на японский никакой нужды вообще не было. Отсутствие вопросов и ответов в транскрипции Понса, разумеется, не означает, что после лекции не было никакой дискуссии. Напротив, опять таки исходя из того, что Лакан был приглашен по случаю публикации переводов, то, скорее всего, переводчики все же задавали какие-то вопросы по поводу отдельных неуклюже переведенных пассажей, но магнитофон просто плохо записал эту часть встречи, или вообще был на это время выключен.

Читатели «Токийской речи», безусловно, заметят, что лекция Лакана не требует никаких пояснений, по меньшей мере, потому, что она сама себя прекрасно объясняет. Трудности, которые, возможно, возникнут при чтении, скорее всего, будут вызваны буквальной транскрипцией слов Лакана, неожиданными отступлениями и оборотами, которые неизбежно включает в себя любая живая речь. Теперь уже не установить, были ли мысли Лакана настолько же ясны и прозрачны для японской аудитории, насколько для образованного западного читателя, но в сравнении с предельно абстрактными (и откровенно закрученными) соображениями, над которыми Лакан работал вначале 1970-х годов, данный текст действительно облегченный, что, впрочем, не означает, ни тривиальности его содержания, ни, тем более, того, что вся эта речь не имеет никакого значения для знатоков. В новом введении в «Писания» Лакан скептически отнесся к способности японцев его понимать: «Я ничего не жду от Японии. То понимание об обычаях этой страны и даже о ее красотах, которое у меня сложилось, не наводит меня на мысль о том, что стоит ожидать многого, в частности того, что меня там поймут» (1981 [1972], p.2). Если это и так в отношении текстов «Писания», которые, в конце концов, даже для многих француз-

¹ Статья «Lacan in Japan – 2» была опубликована в Journal for Lacanian Studies, Volume 3, no 1 (Karnac Books, London and New York, 2005. – Pp.125–128). Редакторы «Лакана в Японии» выражают благодарность автору за предоставление текста для перевода на русский язык. **Фрейд, Лакан и Япония**

зов, включая и некоторых самых верных приверженцев Лакана, остаются непонятными, то все же сложно себе представить, что «Токийская речь» полностью ускользнула бы от понимания аудитории, да и Лакан оставляет нас с ощущением, что он действительно хотел быть понятым, чего не скажешь о «Писаниях».

Посещение страны восходящего солнца в апреле 1971 года не было для Лакана первым. В «Токийской речи» он сам напоминает, что бывал в Японии раньше, в те времена, когда был членом «Французского психоаналитического общества». Лакан утверждает, что впервые побывал здесь одиннадцать лет назад, хотя на самом деле это было восемь лет назад, в апреле 1963 года, как это следует из пассажа в лекции от 8 мая 1963 года в ходе семинара по страху (Lacan, 2004 [1962-63], p.248). Что именно заставило Лакана тогда сесть в самолет, направлявшийся в Японию (через Северный полюс) в 1963 году – вопрос для историков и биографов, нас же это здесь не особенно интересует. Впрочем, стоит заметить, что первая поездка была в меньшей степени обусловлена конкретным делом и, возможно, скорее объяснялась духом открытий, жадной новизны, экзотическим знанием. С фотоаппаратом в руках Лакан посетил древние буддийские храмы в Киото и Нара; особенно его впечатлила колоссальная статуя Будды в храме Тодайдзи. Судя по тому размаху, с которым 8 мая 1963 года Лакан предлагает вниманию аудитории то, что увидел сам (вплоть до того, что он показывает снятые им самим фотографии), то, чему научился, Япония все же сподвигла его на новые формулировки, теории, проблематизацию ряда понятий, чем он по возвращении занялся уже в своем парижском доме.

Нечто подобное случилось и в 1971 году. Вернувшись из поездки (через всю Сибирь!) и вновь оказавшись в лекционной аудитории 12 мая 1971 года, Лакан предложил вниманию публики пространный (и тщательно выстроенный) анализ того, чему его научила Япония в связи с чтением, письмом и отношениями между означающим и буквой:

Я только что вернулся из поездки в Японию, о которой долго мечтал, поскольку во время первого посещения этой страны я пережил встречу с прибрежной полосой... Я просто отмечу то, что приобрел благодаря новому маршруту, то, что уже не было под запретом, как во время первого визита. Надо признать, что пища для размышлений у меня появилась не во время дальнего перелета на самолете вдоль полярного круга, когда смотрел я на сибирскую равнину. Это мое эссе, которое может быть названо *сибириэтикой*, не увидело бы дневного света, если бы не подозрительность советских властей, не позволивших мне увидеть города, промышленные предприятия, военные базы, которые для них и представляют главную ценность Сибири. Но это всего лишь случайные, акцидентальные условия, хотя, возможно, не в меньшей степени, их можно назвать и западными, окцидентальными. Единственное подлинное условие – это встреча с прибрежным, которую я осознал лишь на обратном пути, благодаря тому, что Япония сделала со мной, конечно же, своей буквой, а именно слегка пощекотала меня, так, чтобы я эту встречу почувствовал (Lacan, 1971, p.6).

Разработка того, что вовлечено Лаканом в «чтение» японской культуры, особенно того, как японский субъект относится к сложнейшей системе иероглифического письма, выходит за рамки моего краткого введения, да к тому же было уже сделано в другом исследовании (Miller, 1988). Достаточно сказать, что Япония вдохновила Лакана на пересмотр культурных границ его собственной теории и даже возможности применения психоанализа как клинической практики к тем людям, чьи символические идентификации радикально отличаются от тех, что действуют в Западной культуре. «Культурный релятивизм» Лакана, по крайней мере, в отношении японцев, несомненно, не настолько очевиден в его токийской лекции, но все же он будет пришпилен к его дискурсу особенно заметно с середины 1970-х годов. Для Лакана,

психоанализ в Японии, для японцев, не был ни необходимым, ни возможным (Lacan, 1972, 1977), несмотря на тот факт, что им, конечно же, в Японии пытались заниматься (Parker, 2004).

После 1971 года Лакан уже никогда в Японию не возвращался, хотя продолжал изучать восточную культуру, китайскую философию, буддизм и японские обычаи. Как сообщает Элизабет Рудинеско, после возвращения во Францию, Лакан попросил Мориса Крука, профессора архитектуры в Университете Киото, помочь ему со строительством японского домика для отдыха на его даче в Гитранкуре. Лакан «собирался постигать там тайны чайной церемонии, и даже приобрел для этого редкие антикварные предметы, включая чашу монояма, тщательно выбранную для него любимым торговцем антиквариатом» (Roudinesco, 1987 [1993], p.355). Двух посещений Лакану явно хватило для того, чтобы Япония, если и не стала для него далеким от дома домом, то, по крайней мере, иностранным домашним жилищем в интимном пространстве дачи.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке этой статьи профессору Университета Киото Кадзусигэ Сингу.

(пер. с англ. В. Мазина)

Библиография

- Lacan, J. (1966) *Écrits*. Paris: du Seuil.
- Lacan, J. (1971) *Lituraterre, Littérature*, 3, pp.3-10.
- Lacan, J. (1977) “Extraits de la discussion qui eut lieu après l’exposé de Jacques Aubert: Galerie pour un portrait” aux Conférences du Champ freudien’, *Analytica*, 4: 16–18.
- Lacan, J. (1981 [1972]) Préface a l’édition japonaise des *Écrits*, *La lettre mensuelle de l’École de la cause freudienne*, 3, pp. 2–3.
- Lacan, J. (2004 [1962-63]) *Le Séminaire. Livre X: L’angoisse*. Text établi par J.-A. Miller. Paris: du Seuil.
- Miller, J.-A. (ed.) (1988) *Lacan et la chose japonaise*. Paris: Navarin.
- Parker, I. (2004) Rakan no seishin-bunseki. *Journal for Lacanian Studies*, 2(2): 318–328.
- Roudinesco, E. (1997[1993]) *Jacques Lacan*. Translated by B. Bray. New York: Columbia University Press.

Приложение

Жак Лакан

Токийская речь

Это выступление д-ра Жака Лакана состоялось 21 апреля 1971 года в Токио в помещении издательства г-на Кобундо, опубликовавшего японский перевод «Писаний» [Écrits], по случаю встречи с переводчиками этой книги, организованной г-ном Такацугу Сасаки. Письменный текст зафиксирован на основе утерянной ныне магнитофонной записи, сделанной г-ном Филиппом Понсом, токийским корреспондентом газеты Монд. Документ, сохраненный г-ном Сасаки, был переведен им на японский язык и опубликован под заглавием «Токийская речь» вместе с выполненным г-ном Тарикуро Ишимура переводом «Радиофонии» в сборнике «Выступления Жака Лакана», изданном Кобундо в 1985 году.

Д-р Жак Лакан:

Парижская школа Фрейда, чьей программой «Писания» быть не претендуют, возникла в результате двух расколов внутри парижского психоаналитического сообщества. Говоря о сообществе, я имею в виду просто-напросто психоаналитиков, которые имелись тогда в Париже. Первый раскол привел к образованию двух отдельных организаций – одна называлась Парижским психоаналитическим институтом, а другая назвала себя Французским психоаналитическим обществом. Когда одиннадцать лет назад я приехал в Японию, я был членом Французского психоаналитического общества. В истории психоаналитических групп во Франции подобные расколы не редкость. Возьмем, к примеру, Швейцарию – там существует целый ряд групп. И связаны они между собой очень слабо.

Так получилось, что первый раскол произошел по причинам вполне случайным, связанным с вещами маловажными, вроде, например, личного соперничества. Но при этом, по причинам не менее случайным, одна из групп вышла в результате из так называемой Международной психоаналитической ассоциации. Произошло это в связи с личными отношениями, которые принцесса Мария Греческая, личность ныне прочно забытая, поддерживала с Анной Фрейд. Вследствие этих последних вместо того, чтобы признать оба возникших сообщества, что было бы вполне нормально, Ассоциация, воспользовавшись тем, что мы заявили, вполне естественно, о нашем выходе из распавшейся группы, исключила меня из своих рядов. Если бы Ассоциация играла по правилам, она сочла бы это простой формальностью и признала бы нас в качестве самостоятельной группы. Происшедшее получило любопытные последствия: среди нас оставались люди, тяжело переживавшие это разделение и сделавшие все, чтобы вернуться в Ассоциацию вновь.

Вот тут-то и выяснилось вполне значение моей десятилетней преподавательской деятельности – то, чему я учил, оказалось в корне отличным от направления, задававшего тон в англо-американском психоанализе. И это не удивительно, Фрейд нечто подобное уже предвидел – он предвидел, что, будучи включен в американское общество с присущей ему манерой мышления, психоанализ претерпит серьезные изменения. Эта мысль прослеживается в его работах. Да, он это предвидел. Так оно самым явным образом в действительности и происходит. Господин Хайнц Хартман, к примеру, чье слово в Нью-Йоркском психоаналитическом обществе решает все, ясно заявил, что программой действий для психоанализа, его практики и дидактики, должно стать включение его в рамки концептов, которые он сам именует общей психологией. Это было сказано, написано черным по белому и служит программой для всей американской школы психоанализа, насколько та Нью-Йоркскому движению следует – а она действительно движется более или менее в его русле. Соединенные Штаты большая страна и разнообразие, так или иначе, неизбежно, но командный стиль, принесенный эмигрантами из

Германии, это наследие немецких университетов, наложил здесь, однако, свою печать. Именно эта группа эмигрантов, которая мне хорошо знакома, поскольку в предвоенные тридцатые годы мне многих из них довелось знать лично – они все побывали в Париже, и я, собственно, занимался ими – задала тон американскому психоанализу в послевоенные годы.

То, что произошло в 1963 году в результате настоящего желания ряда моих коллег, преподавателей из Сорбонны, вернуться в Международную Ассоциацию, обернулось уступками с их стороны в отношении того, что как раз и составляло радикальное отличие моего учения от направления, господствовавшего в американском психоанализе, к которому была близка, скажем, Анна Фрейд, чей подход к детскому психоанализу прекрасно согласуется с программой Нью-Йоркского психоаналитического сообщества.

Именно в этот момент в связи с обстоятельствами и оборотом, который дела приняли, я заявил, что не собираюсь продолжать свою преподавательскую деятельность, бывшую, надо признать, сердцевинной Французского общества психоанализа; именно она задавала в нем тон и обуславливала его значимость. Никто кроме меня и не пытался работать над развитием психоаналитического учения. Профессора Сорбонны, чьи имена я не собираюсь здесь называть, ограничивались пережевыванием отдельных, уже порядком надоевших, тем, и большой плодотворностью не отличались. В итоге я заявил, что не собираюсь продолжать преподавание в сложившихся условиях, причем не давая никаких определенных обещаний на будущее.

Случилось так, что в этот момент мне предложили продолжить преподавание в так называемой 6-й секции Практической школы Высших исследований, где я оказался коллегой таких людей как Клод Леви-Строс. Поскольку многие из моих прежних учеников остались со мной и не проявили желания вернуться в Международное общество, я оказался за них в ответственности и основал то, что называется – точнее, что я назвал, поскольку именно я это имя придумал – Парижской фрейдовой школой. Ясно, что называя ее фрейдовой в подобных условиях, то есть порывая с международным сообществом, претендующим на монопольное владение наследием Фрейда, я заявил тем самым свой протест, в том числе в юридической форме. Интересно, что перчатку так никто и не поднял. Я имею в виду, что никто в Париже не осмелился оспаривать, что мое учение отвечало фрейдовскому. Вот что я по поводу современного положения дел в Школе могу сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.